***

Простуженный отец полощет в ванной горло.
Я рядом становлюсь на взрослый табурет,
Воочию хочу увидеть эту Волгу,
Что булькает и бьёт в гортанный парапет.

Мне чудятся в густых, урчащих переливах
Звон сабельных атак, строчащий пулемёт,
Осенний крик стрижей, немолчный ветер в ивах
И чуточку того, что будет наперёд.

Весь содовый раствор – один стакан, не больше –
За несколько минут отец вливает в рот.
Его большой кадык работает, как поршень,
Как вся моя страна, как весь её народ.

Мой семилетний мир вместился в полосканье:
Гудел прокатный стан, нёс службу часовой,
Вставали города, и на трибуне Сталин
С обложки «Огонька» смотрелся как живой…

Я нынче полощу своё больное горло.
Чудное дежа вю, сентиментальный бред.
Как там тебе, отец, живётся в мире горнем?
Куда же запропал тот старый табурет?

***

Какая странная тоска по девятнадцатому веку! –
Одноэтажным городам,
неспешной поступи времён,
По незастроенной земле,
непоказному человеку,
Что фотоснимком той поры
на фоне гор запечатлён.

Кораблик в ялтинском порту
линялым парусом полощет,
Великокняжеских садов вдоль моря тянется кайма.
Серьёзно в камеру глядит
в турецкой фесочке извозчик,
За ним империя лежит – Мария, Анна, Фатима…

Фотограф силится вместить
как можно больше в фотоснимок:
По трапу сходят с корабля,
едва живые, господа.
Ещё мгновенье, и герой
подхватит вороха корзинок:
– Куда поедем? – В «Эдинбург»,
а впрочем, всё равно куда…

Пусть дважды в реку не войти,
но можно из неё напиться.
Держу в руках дагерротип,
вхожу в картину, как в запой.
Мне выпал жребий в новый век
в другой империи родиться,
Сходящей, кажется, с ума,
но ей такое не впервой.

Блошиный рынок на югах –
былого счастья позолота.
Вздыхает вслух филокартист:
«Какие были времена!».
Он целит глазом в мой карман,
сродни извозчику на фото,
И в этом взгляде вся печаль,
и веку прошлому цена.

***

Я пишу вам из Крыма,
из вами любимого Крыма.
Он – такой же, как был:
поэтичен и дерзко красив.
Поменялись на мэриях флаги,
но это терпимо,
Суета это всё для того, кто дорогами жив.

Ничего не случилось.
Торговец по-прежнему жаден,
Те же «слуги» на тех же местах
умножают печаль,
И хоть много на этой земле
золотых виноградин,
Но любви поубавилось, –
это, действительно, жаль.

Кто-то сделал пиар
и на грудь нацепил аксельбанты,
Кто-то точит кинжал
или «горькую» глушит в тоске.
Если небо над Питером
всё-таки держат атланты,
Небо Крыма тогда на Господнем висит волоске.

Я пишу вам сегодня из Ялты,
холёной и броской.
Все, кто здесь побывали однажды,
соврать не дадут:
Что по Киевской улице двигаться,
что по Московской, –
Обе эти судьбы одинаково к морю ведут.